У людей даже не было времени показать свое разочарование, а женщина уже сидела на большом барабане, за сценой. Ее лицо не прикрывал никакой ненужный платок. Мужун Шу Цин слегка прищурилась, чтобы ясно рассмотреть внешность этой женщины. Ее светлое личико напоминало полумесяц, а брови не были похожи на обычные, слегка приподнятые, они показывали след ее героического духа. Ее пухлые влажные губы напоминали блеск драгоценных камней. Самыми особенными были ее глаза, прозрачные, как осенние воды, огромные и глубокие, как океан, они привлекали людей, зарождая в них непреодолимое желание узнать о ней больше. Некоторые люди действительно не могли смотреть на нее спокойно. На ней было одето великолепное кисейное платье лазурного цвета, юбка которого ниспадала вниз, контрастируя с ее свежей кожей, сверкающей, как нефрит, и безупречной, как снег.

Женщина тихонько спрыгнула с большого барабана, окинула всех взглядом и сказала ясным голосом: «Для меня большая честь, что вы все пришли сюда сегодня. Я не хочу говорить слишком много слов. Сегодня я собираюсь сыграть одну мелодию для всех, когда она закончится, придёт время для высоких цен!» Закончив говорить, она уверенно вышла на сцену.

Это должно быть Хай Юэ! Она действительно была похожа на лазурный океан под яркой луной [1]. Взгляд Мужун Шу Цин был устремлен на этот синий силуэт, похожий на бездонное море. Вот причина, по которой она приехала сюда! Наконец-то ей удалось лицезреть самую особенную женщину за эти три года. Дело было не только в ее красоте, но и в величественной, роскошной ауре. Она выглядела нежной, но не слабой. У нее были простые и жизнерадостные манеры, статная осанка, показывающая ее уверенность в себе. Ощущение было настолько сильным, что Мужун Шу Цин почувствовала, что не может игнорировать это благородное чувство, исходящее от ее тела.

[1] Цан Хай – лазурный океан, Мин Юэ - яркая луна. Так Шу Цин обыграла ее имя – Хай Юэ, которое пишется теми же иероглифами.

Хай Юэ действительно заставила людей в столице обезуметь.

Женщина в красном платье подождала, пока Хай Юэ сядет перед гуцинем, затем прошла в середину толпы и сказала: «Напоминаю об указаниях барышни: господа, получившие цветок колокольчика, смогут делать ставки по сто или больше таэлей за раз, но не менее пятидесяти».

Ее речь была прервана звуками ясной мелодии, отдававшейся неторопливым эхом. Сначала мелодия текла плавно. Потом ритм становился всё легче и быстрее. Слушая эту музыку, казалось, что сердце подпрыгивает и танцует в такт музыке. Ощущение было схожим с тем, когда ты выпил хорошего вина и слегка опьянел. Все были увлечены долгими и чудесными звуками гуциня, и на мгновение даже забыли сделать ставку.

- 200 таэлей! – кто-то всё же успел прийти в себя и тут же делал ставку.

Как только прозвучала первая ставка, люди, заслужившие право участвовать в торгах, естественно, не могли проявить слабость и начали наращивать цену.

- 300 таэлей!

- 500 таэлей!

- 800 таэлей!

- Тысяча!

Все, кто был в зале, оживленно кричали. Мужун Шу Цин оглянулась по сторонам и заметила, что люди, сидевшие в отдельных комнатах, ничего не говорили. Озвученные сейчас цены были всего лишь разминкой, а не кульминацией. Попробовав кусочек пирога с бобами мунг, Мужун Шу Цин была удовлетворена его вкусом. Повар в Цинфэн Лоу был на самом деле неплохой, вкус пирожных и гарниров пришелся ей по вкусу.

- 1500 таэлей! – немного приглушенный голос заставил Хо Чжи Цин, которая не сводила глаз с людей внизу, задрожать всем телом, потому что его обладателем оказался Янь Хао Юй.

Он неожиданно сделал ставку. Как он только мог? Хо Чжи Цин сжала обе руки в кулаки, уголки ее глаз слегка покраснели, и на ее лице явственно читался гнев. У нее было тяжело на сердце, и от обиды у нее участилось дыхание. Мужун Шу Цин была обеспокоена, глядя на Хо Чжи Цин рядом с ней. Она не ожидала, что реакция этой девушки на самом деле будет такой бурной. Глядя на Янь Хао Юя, который радостно болтал и смеялся, Шу Цин Мужун тоже почувствовала себя оживленной и расслабленной.

Мужун Шу Цин внимательнее оглядела их компанию. Янь Хао Юй время от времени посмеивался над красивым мужчиной, который сидел рядом с ним, но почти не смотрел на Хай Юэ, и в его взгляде не было заметно ни следа тоски или желания завоевать ее. Значит, он сделал ставку не для себя, а для человека, сидевшего рядом. Она не знала, должна ли она сказать о своих наблюдениях Хо Чжи Цин, но, глядя на ее эмоциональный вид, она боялась, что та не станет ее слушать.

Кто не терял последние крохи мудрости, ослепленный любовью? Ревность любую проницательность и рассудительность могла обратить в ничто. Мужун Шу Цин лишь оставалось надеяться, что рациональность Хо Чжи Цин возьмет верх, а не будет стремиться к нулю.

- 2000 таэлей! – из правой части комнаты донесся ясный и звучный мужской баритон.

- 2500 таэлей! - соревнование вошло в полную силу, другой человек в отдельной комнате, который получил китайский колокольчик, взял слово.

- 3000 таэлей! - Янь Хао Юй снова, не раздумывая, перебил цену.

Мужун Шу Цин буквально кожей ощущала, что нервы Хо Чжи Цин на пределе.

Невольно Мужун Шу Цин перевела взгляд в сторону Сюаньюань И. Он отличался от остальных возбужденных мужчин, он просто нагло сидел там, равнодушно обводя всех взглядом, как будто смотрел какую-то драматическую пьесу. Его глубокие глаза внимательно осматривали хорошее вино, бокал с которым он держал в руке. Казалось, это вино ему милее, чем красавица на сцене.

Мужун Шу Цин слегка улыбнулась и вздохнула про себя. Он совсем не изменился, независимо от того, где он был, его невозможно было игнорировать.

- 4000 таэлей!

Со стороны отдельной комнаты донесся твердый и настойчивый, несколько томный и магнетический голос, который заставил Мужун Шу Цин прийти в себя. Она слегка опустила муслиновую занавеску, чтобы скрыть их с Хо Чжи Цин силуэты. Благодаря этому мужскому голосу взгляды всех присутствующих обратились на второй этоаж.

Все взоры один за другим устремлялись наверх, но никто не мог толком ничего разглядеть, и им ничего не оставалось, кроме как в смятении переглядываться, непрестанно с любопытством вытягивая шеи.

Мужской голос на этот раз заставил нахмурить брови и мужчину, сидевшего рядом с Янь Хао Юем. Даже Сюаньюань И, по выражению лица которого сложно было что-то понять, задумчиво глядел наверх.

После того, как Янь Хао Юй и Хо Цзы Ци обменялись одним многозначительным взглядом, он не выказал слабости и сказал: «5000 таэлей!»

- 6000 таэлей! - томный мужской голос раздался снова.

Янь Хао Юй рассмеялся и, повысив голос, сказал: «7000 таэлей!»

- 10 000 таэлей! - не дожидаясь, пока он закончит говорить, раздался гневный рев, который заставил всех присутствующих мужчин дружно закрыть рты. В это время гуцинь Хай Юэ издал последний совершенный аккорд.

Внутренняя часть Цинфэн Лоу, которая была такой большой, неожиданно стала тихой и безмолвной в мгновение ока.

http://tl.rulate.ru/book/11038/1465498